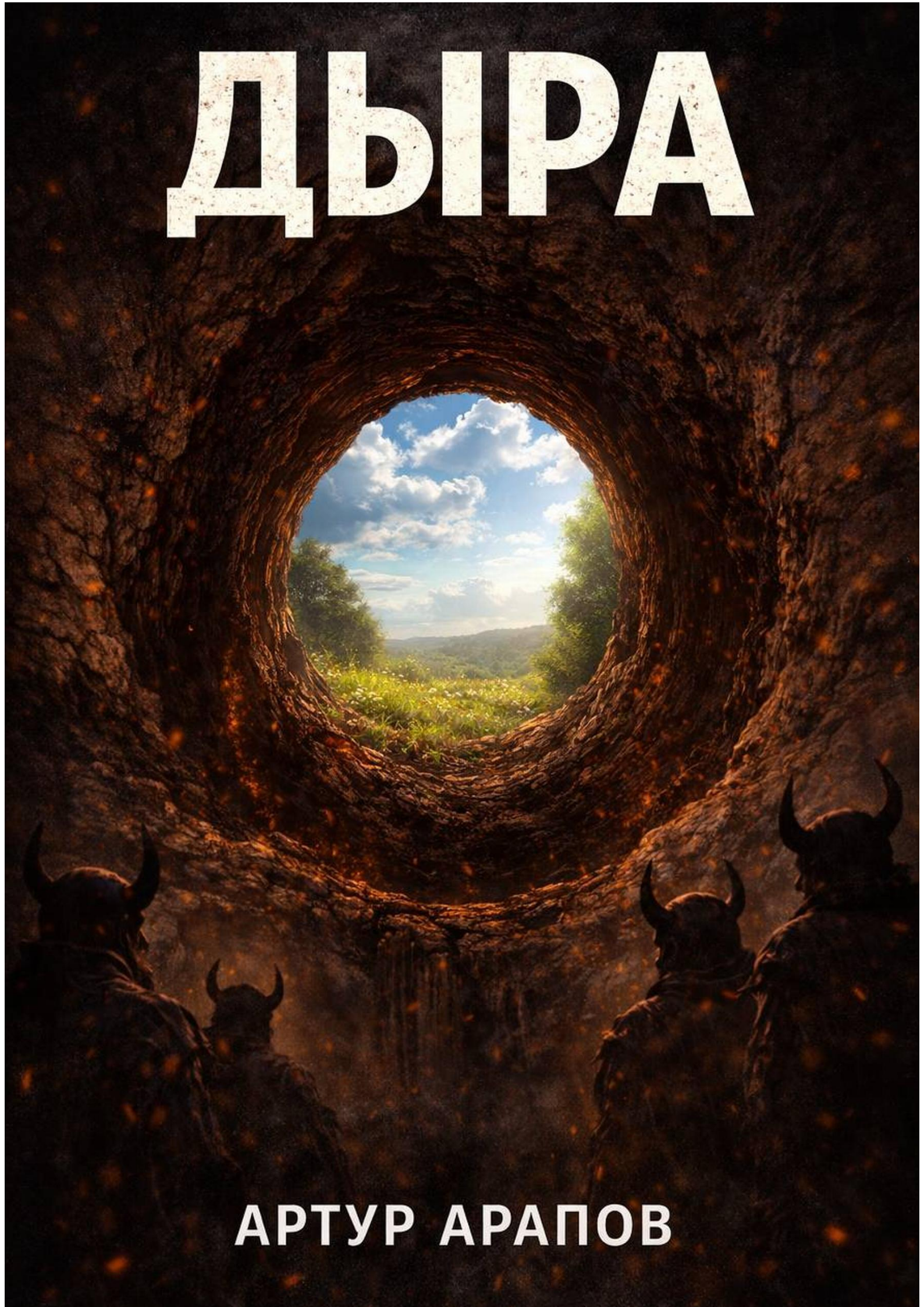
ДЫРА



АРТУР АРАПОВ

Артур Арапов

Дыра

«Автор»
2026

Арапов А.

Дыра / А. Арапов — «Автор», 2026

Фёдор Бабаевич Рюшкин хотел вырастить картошку. А попал в ад.Где-то глубоко под землёй играет балалайка. Старик Чаромут поёт песни о том, что все люди — одна семья, просто их разделили. Хвостатые рабочие в чёрном мире мечтают увидеть хоть один цветной сон. На обратной стороне Луны люди купаются в нефти и считают это счастьем.«Дыра» — это роман-путешествие, роман-головоломка и роман-песня. О том, как случайно найти вход в другую вселенную. О том, как маленький паучок может сломать весь мир. И о том, что правда иногда прячется в самых неожиданных местах.

© Арапов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
2 7
3 9
4 11
5 13
6 15
7 17
8 19
9 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Артур Арапов
Дыра

Дыра

Итак, друзья мои, я вынужден констатировать тот факт, что в голове у меня сформировалась идея нового фантастического произведения. Ничего не поделаешь, придётся писать.

1

Однажды в далёком-далёком будущем, когда от достижений всех предыдущих цивилизаций остались одни фекалии и аномалии, случилось нечто странное.

Выкапывая в своём захудалом огороде нано-картофель, Фёдор Бабаевич Рюшкин, обыкновенный мирный огородник, случайно наткнулся на какую-то дыру, уходящую глубоко под землю.

– Что ещё за последствия апокалипсиса? – почесал кучерявую макушку Рюшкин.

Заглядывать внутрь без фонарика было бесполезно, всё равно ничего не увидишь. Поэтому, прислонив лопату к генно-модифицированной яблоне, на которой крепко держались квадратные яблоки, Фёдор Бабаевич отправился в сарай за фонариком.

Жены у Бабаевича не было, не по причине отсутствия желания быть женатым, а по причине отсутствия бракосочетания на планете. Увы, дорогой читатель, в далёком-далёком будущем люди перестали жениться вообще, и, как результат, перестали размножаться обычным методом.

Да, жены не было… А фонарик был на месте.

– Вот он, мой хороший! – снимая с гвоздя фонарик, сказал сам себе Фёдор Бабаевич (он давно привык разговаривать вслух). – А почему не поговорить с хорошим человеком? – усмехался над своей привычкой старый огородник.

Вернувшись обратно к случайной дыре, Фёдор тряхнул фонариком и осветил неизвестное углубление ярко вспыхнувшим лучом.

– А дна-то не видать, – проворчал озадаченно Рюшкин. – А что, если попробовать бросить туда камень?

Отключив и повесив фонарик на ветку генно-модифицированной сливы, с которой лениво свисали длинные фиолетовые плоды, похожие то ли на дикие баклажаны, то ли на неправильные огурцы, Фёдор Бабаевич отыскал неподалёку кусок обгрызенного крысами кирпича и, бросив его в дыру, склонился и прислушался.

Прошла минута, две, три… Никакого звука.

– Что же это такое? – удивился ещё больше Фёдор и, не успев подумать, решил крикнуть в дыру. – Эээээй! Эээээй!.. Хе-хе. Есть тут кто-о-о?

Голос его улетел куда-то глубоко-глубоко. И вдруг с обратной стороны этой бездонной, непонятной дыры донёсся какой-то странный глухой звук, похожий на гул нарастающего ветра. Потом к гулу добавился свист, и из дыры выплюнуло небольшое облако гнилой вони вперемешку с пылью.

– Ничего себе, сквозняк! – усмехнулся Фёдор. – Уж не нефть ли я обнаружил?!..

И в это самое мгновение, будто какая-то невидимая тяга включилась, и Фёдора Бабаевича стало прямо-таки насильно засасывать в дыру!

– Ё… – успел выругаться Рюшкин.

И помчался куда-то глубоко-глубоко вниз – в самую, как говорится, преисподнюю.

2

Размышлять о случившемся не приходилось. Фёдор летел в тартарары, дыхание его перехватило, в глазах было темно, в ушах звенело, сердце внутри бултыхалось, как… как сопля в водопаде. Сколько продолжались эти муки – никто не знает.

Но вот безумный полёт сам собой прекратился, и Рюшкин ощутил под ногами твёрдую поверхность. В это же время в глаза ему ударил свет, а в уши – чей-то голос. Голос доносился откуда-то сбоку. Фёдор прислушался.

– Болван! – ругал кого-то голос. – Сколько раз можно повторять, что это стратегически важный объект?!

– Простите, – всхлипнул обиженным тоном второй голос. – Я нечаянно.

– Нечаянно! – передразнил ругающийся. – На таком секретном объекте, как этот, не должно быть никаких случайностей! Всё, моё терпенье лопнуло. Убирайся прочь, ты уволен!

– Но… Простите, простите, пожалуйста! В последний раз… Честно, этого больше не повторится.

– Нет, и не проси, – отрубил обвинитель. – И что за работники пошли, не понимаю. Раньше люди всё понимали с первого раза. Надо же, перепутать впускной клапан с выпускным!.. А если бы это привело к полной разгерметизации миров?

– Простите, прошу вас, – простонал второй голос. – Если вы меня уволите, я погиб. Вы же знаете, сколько у меня смертельных болезней, заработанных на этой вредной работе. Я же работаю на лекарства, без них я не проживу и дня!

– Ну, смотри! Смотри, гадёныш! – снизошёл, наконец, до бестолкового труженика начальник. – В последний раз… Но если такое повторится!..

– Спасибо, спасибо! Спасибо, благодетель!.. Ммм, ммм!.. – закудахтал радостный прощённый, смачно причмокивая.

– Уйди!.. – недовольно фыркнул благодетель. – Не надо лизать мои ноги! Ещё слюней мне твоих не хватало. Уйди!.. Уууу, гадкое чудовище!..

Заинтригованный непонятной беседой на глубине "преисподней", Фёдор Рюшкин медленно пошёл на звуки голосов, но потом одумался и остановился. Нужно было оглядеться по сторонам и потом уже решить, что делать дальше.

– Что же это… – начал он было бормотать по привычке, но тут же притих.

«На секретном объекте лучше помалкивать, – сказал он себе мысленно. – Я тут незваный гость, а незваный гость хуже любого другого гостя… Но что же это за место такое, стратегическое?.. По виду подземелье в виде трубы, метров тридцать в диаметре. Светильники в стены встроены. Проводов не видно. Так-так… А прилетел я сюда вот из этого отверстия. Тут труба явно прогнила от времени…»

Ход его мыслей прервала идиотская какофония, приближающаяся с той стороны, откуда минутой раньше доносились голоса. Недолго думая, Рюшкин спрятался в первую попавшуюся нишу и замер. Какофония сделалась громче, через несколько секунд глазам Фёдора предстал некий древний золочёный «катафалк», специально приспособленный для перемещения по подземельям. Колёса его скрипели так, что создавалось впечатление, что играют несколько расстроенных напрочь скрипок. Двигался он автоматически, не было видно ни руля, ни рычагов, ни педалей. Внутри «катафалка», на мягкой подушке, важно сидел дряхлый старикашка, он бубнил себе под нос. Сквозь какофонию можно было разобрать несколько слов.

– Раньше слуги были послушными, – голос явно принадлежал тому самому обвинителю-благодетелю. – Достаточно было один раз приказать… Теперь нас совсем мало осталось… Всё рушится…

Скрипучий «катафалк» исчез в глубине трубы, наступила мёртвая тишина.

Выбравшись из ниши, Фёдор Бабаевич посмотрел в одну сторону, потом во вторую, почесал грязным ногтем кучерявую макушку и решил отправиться вслед за проехавшим драндулетом. Оставаться на секретном объекте ему почему-то не захотелось.

3

Примерно через тысячу шагов Фёдор Бабаевич увидел ту самую золочёную «колымагу» с мягкой подушкой и старикашкой.

Одно колесо у «колымаги» отвалилось. Старикашка недовольно пыхтел, топтался возле неё и поливал кого-то проклятиями.

– Сколько же можно ждать?! – гнусавил недовольный начальник. – Тоже мне, скорая автомобильная помощь!.. Бездельники! Раньше слуги были намного лучше… Всё рушится, всё рушится…

Кроме старикашки никого в трубе не было. Сам он, на взгляд Рюшкина, угрозы не представлял, так как был хилым и низкорослым. Поэтому Рюшкин, не задумываясь, смело продолжил путь в сторону драндулета.

– Ага! – обрадовался старик, заметив подходящего к нему человека, но тут же сменил радость на гнев. – Почему заставляешь так долго ждать? Прошла целая вечность с момента, как я вызвал мастера. Тоже мне, сервис называется! Одно моё слово, и ты вылетишь с занимаемой должности! Бездельник!.. – но тут старикашка осёкся. – Стой!.. Ты кто? – и глаза его быстро заморгали.

– Я Фёдор Бабаевич, – усмехнулся Рюшкин, остановившись в метре от старикашки. – А ты кто такой?

Будто не расслышав, старик-начальник заморгал глазами ещё быстрее. Было видно, что он крайне удивлён. Его следующий вопрос заставил удивиться и Рюшкина.

– Почему ты без хвоста? – выпалил старик. – И что с твоим лицом? Кто ты?.. Ты что… нездешний?..

– Почему нездешний? – снова усмехнулся Фёдор. – Всё мы здешние, все мы с Земли, – и показал пальцем вверх.

– С Земли?! – выдохнул старикашка в ужасе.

И в этот момент случилось нечто совсем странное: левый глаз старика как-то резко подскочил, и из него выскочила длинная пружина!

– Опа-а-а! – открыл рот от удивления Фёдор. – Робот!

– Я… я… я не робот, – замотал головёнкой старик. – Я не робот. Я… Начальник. Начальник!.. Начальник!..

Голова его затряслась, ноги принялись выплясывать что-то оригинальное. Одной из рук он попытался засунуть пружину обратно в глаз, но что-то в этот момент щёлкнуло, и старичок отключился.

– Сломался, – понял Фёдор. – Странно. Похоже, он и сам не знал, что он робот. А гонору-то сколько было! На мягкой подушечке в золочёной карете. Вот ведь как бывает… А драндулет мы, случайно, не починим?

Подняв отвалившееся колесо и приставив его к «колымаге», Фёдор заметил, что один шплинт отогнулся и вылез из оси, это и послужило причиной аварии.

– О-о! Вот что нам нужно! – сказал Фёдор и выдернул из глаза робота пружину. – Послужит нам новым шплинтом. Хоть какая-то польза от этого начальника!

– Шшшшшш, пшшшшш, пи-пи-пи-пи, – пропищало тут что-то из уха робота.

– Что такое? – прислушался Фёдор.

– Пи-пи-пи, начальник номер шшшшшш, пшшшшш (тут Рюшкин не расслышал), ты где? – раздался чей-то голос. – Почему не выходишь на связь?

– А робот-то был радиоуправляемый, – смекнул Рюшкин.

– Кто говорит? – переспросило ухо. – Где начальник номер шшшшшш, пшшшш?..

– А… это мастер говорит, ремонтник, – ответил Рюшкин. – У вашего шшшшшш-пшшшшшш сломалось средство передвижения, колесо отвалилось. Да и сам он развалился. Вот я чиню. Колесо, конечно, а не его.

– Положите начальника в машину и немедленно везите на базу, – приказал голос.

– Ага, – кивнул Рюшкин. – Сейчас. Так и сделаю.

4

– Немедленно везите на базу! – передразнил Рюшкин говорящее ухо, когда оно перестало пищать. – Я, вообще-то, без хвоста и не местный, поэтому подчиняться не обязан!

Где эта база, про которую говорило говорящее ухо, Рюшкин, разумеется, не знал, но догадывался, что раз «катафалк» ехал по трубе и сворачивать было некуда, значит, база где-то впереди.

– Выбрасывать такой экспонат не стоит, – по привычке сказал сам себе вслух Рюшкин, запихивая бездыханное тело робота под сиденье драндулета. – Его можно разобрать на запчасти, что-то да пригодится… А что он там болтал про разгерметизацию миров? – Фёдор на мгновение задумался, но тут же погрозил себе пальцем. – Отвлекаться на мысли нет времени, Федя! Надо поскорее найти, где включается эта тарантайка, и убраться отсюда подальше, пока не нагрянули настоящие мастера-ремонтники, с хвостами и с какими-то там непонятными лицами.

Запихнув мягкую подушку вслед за роботом под сиденье, Фёдор Бабаевич уселся в золочёную тележку и стал шарить по ней руками и тыкать во всё подряд пальцами. Ноги его тем временем пытались нащупать какую-нибудь педаль. Но ни рычагов, ни кнопок, ни педалей не было.

– Ну, поехали же, корыто колёсное! – обругал, наконец, странную повозку Фёдор. – Давай, трогай!.. Но!..

И колымага вдруг фыркнула, как настоящая лошадь, вздрогнула и… покатилась!

Нестройные скрипки тут же заскрипели на все лады.

– Быстрее давай! – приказал Федя.

Скрипки запели ещё веселее. Рюшкин поехал в неизвестность.

– Вот чудо-техника, голосом управлять можно! Да, жизнь становится всё интересней и интересней! – невзирая на «скрипки», на душе его заиграла музыка. – Эээх, доро-оги-и, пыль да ту-ума-а-ан! – запел он старинную песню. – Холода-а, тревоги-и, да степно-ой бурья-а-ан!

– Что это за подозрительные звуки? – запищало говорящее ухо из-под сиденья. – Вы везёте начальника на базу?

Голос приглушала подушка и скрипучие колёса, но Рюшкин услышал.

– Ага, – кивнул он, усмехнувшись, и ещё веселее запел: – А дорога дальше мчится-а, пылится-а, клубится-а! А кругом земля дымится-а, чужая земля-а-а-а!..

– Какая ещё земля?! – заорало истошно ухо. – Вы что там, нефти наглотались?!

– Нефти? – переспросил Фёдор. – Нет, что вы! Нефть нынче дороже золота. Или вы не знаете, что на Земле нефти почти не осталось?

– Опять на земле? – захрипело говорящее ухо. – На какой ещё земле?.. Кто вы? Вы точно мастер-ремонтник?

– Ага, – снова кивнул Рюшкин. – Он самый. Мастерю, ломаю, потом ремонтирую… ха-ха!.. опять мастерю. Сейчас я кое-что, кстати, сломаю.

И, просунув руку под сиденье, Фёдор схватил говорящее ухо за… за мочку и выдернул его вместе с проводами.

– Всё, хватит мне указывать, – крикнул он в слуховое отверстие. – Будешь щебетать теперь, когда тебя обратно припаяют. А пока лежи, помалкивай и слушай, что тебе умные люди поют… Эээх, доро-оги-и-и!

Мало кто знает, но так уж заведено: о чём поёшь – тем и живёшь.

Не успел Федя допеть до конца второй припев, как драндулет резко остановился и предстала развилка. Дороги тут расходились в разные стороны. Две шли налево, третья – прямо, а четвёртая – направо.

– Что, корыто колёсное, не знаешь, куда дальше ехать? – спросил Рюшкин у колымаги. – Вот и я пока не знаю. Хоть бы указатель повесили. Что ж, будем действовать старым методом – наугад.

5

Когда-то давно, когда далёкое-далёкое будущее ещё не наступило, люди учили себя и друг друга выбирать правильные пути. Учили, учили, выбирали, выбирали…

– Если человек сам правильный, то и путь его будет правильным, независимо от выбора, – сказал себе Рюшкин. – А так как правда означает радость, значит, чтобы дорога была правильной, надо идти по ней в ногу с радостью. Правильно я говорю? – тут он постучал пальцем по колымаге. – Так что вези меня, моё верное корыто, вот по этой – по четвёртой дороге.

Как только Фёдор указал направление золочёной тачке, та снова дёрнулась и завела свою дикую скрипичную какофонию.

Труба в выбранном направлении тянулась однообразно, как и раньше. Местами на её поверхности встречались следы повреждений, выбоины, какие-то непонятные разноцветные пометки. Встроенные в цилиндрические стены светильники освещали путь равнодушно-нейтральным светом.

Спустя какое-то время на пути Рюшкина повстречался ещё один перекрёсток, только уже не с четырьмя, а с двумя ответвлениями. Колымага снова затормозила и встала, как баран у новых ворот. В этот момент Фёдор услышал чей-то голос со стороны левого ответвления:

– Братва, шухер! Кажись, начальство приехало!

– Ага, – кивнул обладатель хорошего слуха Рюшкин. – Вот они, бездельники, тунеядцы, разгильдяи! Надеюсь, эти не такие несчастные подлизы, как предыдущий целовальник пяток начальника.

Фёдор имел в виду неизвестного просителя, чей голос он слышал в начале своего подземного путешествия.

– Вези меня к этим тунеядцам! – приказал Рюшкин колёсному корыту, и оно со скрипом покатилось навстречу новым неожиданностям.

Впереди явно велись какие-то работы. Было слышно, как стучат, жужжат и лязгают металлом. И точно, подъехав ближе, Рюшкин увидел бригаду рабочих, занимающихся починкой стен. На рабочих были странные чёрные комбинезоны, полностью скрывающие их головы, руки и ноги, а снизу от комбинезонов отходили непонятные тросы, примерно метр длиной. Эти тросы болтались сами по себе и ни к чему не привязывались.

Находясь в золочёной тачке, Фёдор чувствовал себя довольно уверенно.

– Бог в помощь! – крикнул он рабочим, останавливая тачку.

Перестав стучать по стенам, сверлить и лязгать металлическим листом, рабочие обернулись, и… Фёдор чуть не проглотил язык! Перед ним стояли самые настоящие черти! Оказывается, на них были вовсе не комбинезоны, а сзади – не тросы. Это был их естественный, практически обнажённый вид! Лишь небольшие лоскутки одежды или клочки шерсти прикрывали их интимные принадлежности.

– Бог? – переспросили черти хором. – В помощь?

Похоже, они были сильно удивлены такому непривычному обращению.

Проглотив комок в горле, Рюшкин постарался отогнать от себя навязанные древними байками мысли об ужасных подземных монстрах. Говорили рабочие на понятном языке. Мало ли какие катаклизмы могли вызвать у них своеобразные особенности? Да, прямо как антигерои древней живописи, как демоны ада, но на чёрных лицах не пятаки, а обычные носы, правда широкие, как у папуасов.

«А хвосты… Ну, что хвосты?! В жизни всякое бывает, – подумал Федя. – Метаморфозы ещё никто не отменял. Каждый организм подстраивается под свою среду обитания. Может, они им тут служат для отпугивания летучих мышей?»

– Здравствуйте, товарищи! – выдохнул, наконец собравшись с мыслями, Рюшкин.

– Вы наш новый начальник? – неуверенно спросил один из «чертей».

– Да нет, что вы, – усмехнулся Фёдор. – Я простой работяга, как и вы. А начальник ваш вон под сиденьем лежит: сломался.

Подойдя ближе и окружив со всех сторон золочёный «катафалк», хвостатые рабочие с нескрываемым любопытством уставились на своего бывшего начальника, скрюченного под сиденьем. Он лежал неподвижно, молча, без глаза, а в ногах у него валялись его скомканная подушка и его… его оторванное ухо!

– Ваш начальник, оказывается, был роботом, – объяснил хвостатым Фёдор. – Радиоуправляемым роботом. Прямо в ухо ему посылались приказания от кого-то неизвестного, а в глаз наверняка была встроена видеокамера. Она взорвалась от перегрева его твердокаменного мозга, когда я сообщил, что я с Земли.

И Рюшкин ткнул указательным пальцем вверх.

– С Земли?! – испугались «черти». – Вот почему ты сказал «бог в помощь». Ты… бог?!

– Почему бог? – не понял Рюшкин. – Я обыкновенный человек.

– Это мы обыкновенные, – ответил за всех один из «обыкновенных». – А там (хвостатый возвёл очи к потолку), на Земле, как говорит наша религия, живут боги!

– Да нет там никаких богов, – пожал плечами Фёдор. – Там только такие, как я. А я простой человек, такой же рабочий, как вы, только немного отличаюсь внешне. Думаю, это оттого, что условия обитания у нас разные, а не оттого, что я каким-то боком в родстве с вашим богом, – сказав каламбур, Фёдор сам над ним рассмеялся. – У нас, кстати, всякие мудрецы раньше тоже любили фантазировать, называли обитателей подземного мира чертями, но я же не дурак, чтобы принимать на веру всё, что когда-то болтали и писали! Вот скажите, вы же не черти?

6

– Черти? – переспросил самый шустрый хвостатый и тут же обратился к своим чёрным собратьям. – А как это переводится на наш язык? Кто-нибудь знает?

– Сумасшедший старик Чаромут может что-то об этом знать, – предположил собрат с паяльным прибором в руке (судя по длине хвоста, он был старше остальных). – Надо идти к Чаромуту.

– Идём к Чаромуту! – подхватили «черти» идею, бросая рабочие инструменты на пол. – Работа не крот, в грунт не уползёт!

Золочёный «катафалк» был маленьким, всех желающих отправиться к сумасшедшему старцу точно бы не вместил. Поэтому Фёдор решил не отделяться от коллектива, а пойти пешком.

– Но сначала давайте познакомимся, – предложил Рюшкин. – Меня зовут Фёдор Бабаевич, можно просто Федя.

«Черти» по очереди назвали свои имена, но Рюшкин их не запомнил, потому что раньше никогда с подобными именами не сталкивался.

Увы, у автора тоже нет возможности воспроизвести здесь эти имена: в этом мире ещё не достаточно подходящих буквенных знаков, чтобы передать ими звуки не из этого мира. Конечно, если попытаться, можно выстроить имена подземных жителей так: «Аууоаоууу», «Ыгуувыуууу», «Биуибиуюйуу» и т.д. Но, боюсь, такие «изысканные письмена» ни о чём читателю не скажут. Поэтому продолжу называть подземных хвостатых тружеников по их характеристикам, а не по именам.

– Странно, – говорил по дороге длиннохвостый, который выглядел старшим, – мы всегда считали Чаромута сумасшедшим альбиносом, потому что он был непохож на нас и даже на нашего начальника, которого было принято считать избранником богов (длиннохвостый возвёл очи к потолку).

– Начальник лично называл Чаромута безумцем, когда тот пытался рассказывать о жизни, якобы существующей над нами, – припомнил самый чёрный подземный собрат.

– Не удивительно, – сказал Рюшкин. – Во все века бездельники, ставящие себя начальниками над всеми живущими честным трудом, имели наглость назначать одних избранниками богов, а других – сумасшедшими.

– Мы всегда чувствовали это, но боялись противиться, – вздохнул старший. – Столько лет подчинялись роботу, думая, что он посланник с Земли (он снова бросил взгляд в потолок), а бедного Чаромута, открывающего нам глаза, высмеивали.

– Надо будет разобрать робота, – заметил Фёдор. – Возможно, получится выяснить, кто его создал, и выйти на тех, кто им управлял. Говорящее ухо требовало отвезти начальника на какую-то базу, приняв меня за мастера-ремонтника, прибывшего чинить золочёную тачку. Что это за база и где она находится, ухо не уточнило.

– База находится в закрытом месте, за мощными заборами и воротами, – ответил самый чёрный. – Доступ туда имеют только начальники и их слуги. Охраняет базу целая куча рогатых охранников.

– Рогатых? – переспросил Рюшкин.

– Если в башке пусто и ни о чём думать не надо, кроме как приказы исполнять, то рога очень быстро отрастают, – поведал самый моложавый из хвостатых.

– Он у нас хоть и молодой, но грамотный, – похвалил моложавого старший.

– Даже понимает, как звуки можно изображать знаками, – дополнил самый шустрый.

– Старик Чаромут научил меня различать знаки, – сообщил молодой. – Он говорит, что это буквы, и даже подарил мне настоящую книгу. Я прячу её от начальников в укромном месте

и изучаю, когда никого нет рядом, – глаза у юного хвостатого засияли от смелых откровений. – Но не думайте, что я хочу стать грамотным, чтобы стать начальником или слугой. Я их ненавижу! Я, вообще, считаю, что если человек сам не работает физически, то он не может стоять выше работающих, потому что без физического труда вся пища, поступающая в человека, превращается в жир, который делает человека глупым, злым и жадным.

– Ты ещё слишком молод, чтобы понять, что ненависть порождает ненависть, – нравоучительно сказал молодому старший. – В юности у многих хвост короткий, а язык длинный. Среди слуг не все негодяи, просто они рождаются уже слугами, не знают другой жизни, и у них нет возможности её узнать.

– Если бы они хотели, они узнали бы, – настырно упорствовал молодой. – Так можно и начальников оправдать, говоря, что они просто не знали горя, поэтому такие бессердечные. А кто, спрашивается, виноват, что они не знали горя, жили за счёт чужого труда, ели и пили вдоволь?

Молодой так разошёлся, что случайно наступил на собственный хвост, упал и покатился кубарем.

«Черти» весело рассмеялись, Рюшкин тоже.

– А хвост-то у нашего молодца не такой уж и короткий! – пошутил шустрый, толкая локтем самого чёрного.

– Кто не следит за языком, тот часто спотыкается, – подытожил старший.

7

Как ни странно, труба вдруг закончилась тупиком. Шустрый хвостатый ткнул кулаком в какую-то окружность, выступающую из стены, ворота откатились в разные стороны, и…

Взору Фёдора Бабаевича вдруг открылся простор подземного мира!

Всё здесь было чёрным, как смоль, как уголь, как вакса, как чернила. Казалось, даже освещение, которое разливалось под чернеющим сводом, имело графитовый цвет.

Остолбенев от увиденного, Фёдор открыл рот, глаза его превратились в два больших стеклянных шара. Он и не ожидал, что Земля внутри полая и такая необыкновенная.

Тысячи чёрных лачуг стояли на вколоченных в чёрный грунт сваях, будто на обгоревших курьих ножках. Возле чёрных заборов притаились чёрные лавочки, в чёрных садах росли чёрные деревья, из чёрных фонтанов била чёрная вода, на чернеющих полях чёрные люди собирали чёрные грибы и ягоды. А над чёрной рекой нависала чёрная-чёрная радуга.

Мрачный, мрачный мир.

– Так вот откуда пошло выражение «темно, как у негра в жо…», – задумчиво начал изрекать Фёдор, но опомнился: нельзя было обижать здешних жителей. Тем более, как было видно невооружённым глазом, они и так были жестоко обижены судьбой.

– Что? – переспросили у Феди «черти».

– Я говорю, хорошо тут у вас, – улыбнулся Рюшкин. – Стильно! Всё в одном цвете.

– Это всё нефть проклятая, – сообщил самый чёрный. – Девать её некуда, захлёбываемся ей.

– Нефть? – удивился Рюшкин. – Так вот она, значит, какая. Нефть… У нас на Земле её почти не осталось, продают по цене чистого золота, а тут… девать некуда!

– У нас воды почти нет, еды и воздуха мало, а нефти, вон, целые моря, – подтвердил старший. – Раньше нам приходилось часто воевать. Наши начальники никак не могли ужиться друг с другом, каждый хотел, чтобы у него было больше нефти, чем у других.

– Все ваши начальники – радиоуправляемые роботы, – вставил Рюшкин.

– Точнее не скажешь! – согласились черти.

– Старик Чаромут говорил, – вспомнил самый чёрный, – что начальники отправляли нефть наверх, в высший мир, и там продавали. Но над ним все смеялись, потому что всегда считали, что наверху живут только боги. Вдобавок никто не верил, что где-то можно продать то, что здесь никому даром не нужно. Вот вода здесь нужна, даже очень, чтобы можно было хотя бы раз в месяц помыться.

– За воду мы платим дорого, – поддержал разговор молодой. – Можно сказать, половину того, что удаётся заработать у начальников.

– Чаромут всегда говорил, – вступил в разговор шустрый, – что там, на Земле, очень много воды. И что начальники специально прячут её от нас, чтобы мы считали её главной ценностью и работали за возможность её купить. Но мы не верили старику, считали его сумасшедшим, как говорил начальник. Думали, что всё, что он брешет, – это выдумки.

– Да-а, – покачал головой Фёдор, – интересный расклад получается. У вас тут моря нефти, которой вы буквально захлёбываетесь, у нас там моря воды, от которой постоянно наводнения. И тут и там веками воевали за то, чего недостаёт. У вас за воду, у нас за нефть. А оказывается, как утверждает ваш Чаромут, кто-то это всё организовал и бессовестно пользуется!

Тем временем увлечённая беседой процессия, состоящая из нескольких длиннохвостых подземных и одного земного жителя, шла по улицам чёрного города. Вязкая нефть хлюпала, чавкала под ногами, мешала удобному передвижению. И нигде не было видно ни огонька, ни

искорки, ни какого-либо намёка даже на самое слабое электричество. Последние остатки цивилизации остались за тяжеленными воротами трубы.

Чёрные собаки гоняли чёрных кошек по чёрным подворотням. На чёрных деревьях сидели чёрные вороны и клевали чёрных червячков. Отовсюду исходил жуткий запах и зловещий жар.

– Скажите, – вдруг поинтересовался Рюшкин, – а сейчас тут ночь или день? И как вы их, вообще, различаете?

– Что? – не поняли хвостатые.

– Ну, то есть… я имею в виду время суток, – попытался уточнить Фёдор. – Какое оно сейчас у вас?

«Черти» переглянулись, пожали плечами.

– У нас тут нет никаких суток, – покачал чёрной головой старший. – Мы, вообще, не знаем, что это такое.

– А вот и апартаменты старика Чаромута, – показал на перекошенную хижину молодой.

Блаженный старик Чаромут, облачённый в старческие седины, сидел на чёрной веранде. Под задом у него был белый пень. Старик играл на самодельной балалайке и тянул печальную песню:

Всюду тюрьма-а, так было всегда-а.

В том винова-аты посредники-гады.

Всё дифици-ит. Там – нефть, здесь – вода-а.

Люди несча-астны, посредники ра-ады.

Врали они-и красиво всегда-а,

И за враньё-о-о брали, в наглую, пла-ату.

Всё отбира-ая, без капли стыда-а,

Людям в награ-аду дарили огра-аду.

8

Песня была длинная, но длиннохвостые не спешили её перебивать, а заворожённо слушали. Чаромут сыграл на балалайке небольшой проигрыш и продолжил:

В разных мира-ах немало еды-ы,

Нефти, воды-ы, света, неба нема-ало.

Только их прячу-ут злые кроты-ы,

Чтобы не все-е-ем благ природы хвата-ало.

Сладким елее-ем их речи теку-ут,

Но ядовита-а подачка-усла-ада.

Всё под себя-а кроты загребу-ут.

Ну а наро-оду – иллюзия пра-авды.

И самодельная балалайка подхватила последнюю ноту так плаксиво, что глаза самого чёрного из «чертей» наполнились слезами.

– Бог в помощь! – поприветствовали старика на манер Рюшкина хвостатые гости.

Услышав такое необычное для этих мест приветствие, Чаромут выронил из рук балалайку, отчего та сразу испачкалась нефтью, и чуть не свалился со своего белого пня.

– Неужели меня, наконец, признали за… за святого старца? – промямлил старик.

– Признали, – закивали хвостатые. – Признали.

– Мы привели к тебе человека с Земли, – сообщил старцу шустрый. – Он интересуется, черти мы или не черти. Можешь ты ему объяснить? А то мы сами ни черта в этом не понимаем!

– Человека с Земли?! – удивился, испугался и одновременно обрадовался Чаромут. – Возможно ли?!.. Я столько лет провёл в этом подземном мире, что мне трудно поверить в такое чудо!..

– Вот это чудо, – указал молодой хвостатый на Рюшкина. – И оно подтвердило всё, что вы нам говорили и во что мы боялись верить.

– Но теперь мы поверили, – сообщили хором гости.

Фёдор выступил вперёд и подошёл к старцу. Чаромут ухватился за ветку чернослива, торчащую над его седой головой, и приподнялся на ноги.

– Человек, – просипел он, потеряв от счастья голос. – Настоящий, земной… без хвоста!..

Глаза старика заблестели, руки потянулись к Рюшкину и крепко его обняли. Фёдор ещё не успел соскучиться по земным обитателям так же сильно, как старик, но и он обрадовался встрече с сородичем. После приветливых объятий и рукопожатий Фёдор усадил старца обратно на белый пень и спросил:

– Скажите, а почему вас называют Чаромутом? Очень странное имя для землянина.

Поджав хвосты, «черти» расселись по лавкам и навострили уши. Рюшкин тоже присел на какую-то табуретку, поближе к старику.

– На самом деле не я, а мои враги – посредники – вот кто истинные чаромуты, – объяснил старик. – Они привыкли переворачивать всё с ног на голову, чтобы запутать простых

людей. Умных они обзывают сумасшедшими, смелых – дураками, добрых – слабаками, и далее в том же духе. – Обрадовавшись, что его, наконец, внимательно слушают, а не высмеивают, старик приосанился и стал похож на настоящего мудреца. – Хитрость всегда была их главным козырем в борьбе за власть над нами. Но вся эта власть не больше, чем иллюзия. Они так запутали понятия, так исказили слова, что и сами давно запутались и не могут распутаться. Храм неправды, то есть срам, выстроенный ими (кстати, нашими же трудовыми мозолями), рушится, как рушится со временем всё кривое и сложное. Люди перестают им верить.

– Но, скажи, Чаромут, кто мы всё-таки такие? – повторил шустрый свой вопрос. – Черти или нет? И, вообще, что значит «черти»?

Старик снисходительно улыбнулся.

– Чёрных людей за цвет кожи обозвали чертями, подземный мир – адом, напридумывали всяких страшных небылиц, чтобы земные люди сюда не совались. А местным, наоборот, натрепали, что сверху живут боги, на которых надо молиться и слушаться избранных ими начальников, иначе боги не дадут воды. Один большой, прекрасный мир разделили на три. Здесь – нижний, там (старик ткнул пальцем в потолок веранды) – средний, а над ним ещё один – верхний. И во всех мирах одинаковая история – религия, война, нехватка блага (то есть влаги), подмена понятий, разделение на довольных и недовольных, одурачивание населения.

– Я даже представить себе не мог, что всё так хитро устроено, – покачал взмокшей от волнения головой Рюшкин. – Но постойте… вы говорите, что и над Землёй живут люди? Как же такое может быть? Где им там жить?

– На том большом зеркале, которое посредники выдают людям за звезду, называемую Солнцем, – ошарашил Фёдора ответом старец.

– Зеркале?!.. – не поверил своим ушам Рюшкин.

– Вот именно, – кивнул Чаромут. – Я сам там был и всё видел собственными глазами.

– Как это – был?.. На Солнце?..

– На зеркале, – уточнил старик. – Переправлял туда золото для ремонта повреждений… Да-да, не удивляйтесь. Я тот самый космонавт, не вернувшийся однажды к своей родной траве у дома. О, сколько нас таких, исчезнувших в открытом космосе! Хе-хе… Космоса, кстати, не существует.

– Как… не существует? – Фёдор почувствовал, что проваливается внутрь самого себя.

– Очень просто, как и Солнца, – ответил Чаромут. – Или вы думаете, что, соврав в одном, в остальном вам будут говорить правду?.. Нет, друзья мои, не угадали! В общем, нет в так называемом космосе никакого солнца. Нет никакого огня, который пылает миллионы лет и всё никак не сгорит. Зеркало висит в десяти километрах от Земли, и на нём живут несчастные труженики, такие же, как вы и я. Днём и нощно они ползают по зеркалу и натирают его суконными валенками, чтобы оно ярче блестело. А за эту работу им платят скудной едой, водой и бесполезными лекарствами. Иногда рабочие устраивают забастовки, шьют из личной одежды огромный чехол и набрасывают его на зеркало. Тогда на Земле наступает солнечное затмение, и людям врут, что это природное явление.

– С ума можно сойти! – вытер пот со лба Рюшкин.

«Черти», которые на самом деле не черти, стояли вокруг и вникали в непонятную суть молча. Увы, они не понимали большинства терминов. Слово «огонь» для них было за семью печатями, «солнце», «день», «ночь», «космос», «трава у дома», «валенки» – нечто далёкое, необъяснимое, незримое, а значит, несуществующее.

– Зеркало отражает лучи, направленные на него с Земли, – продолжал открывать истину старец. – Вернее, не с Земли, а с морей и океанов.

Фёдор озадаченно повёл бровями.

– Вы думаете, маяки изобрели для кораблей? – усмехнулся старик. – Как бы не так! Именно с них и посылаются лучи на зеркало. А корабли – это так, для отвода любопытных глаз.

Отражённые лучи так называемого солнца проходят сквозь вогнутую лупу и тем самым освещают и греют поверхность Земли. Посредники врут, что солнце горит миллионы лет кряду и греет всю Землю. Всё это чушь собачья, и не более. Откуда им, вообще, знать про то, что творилось миллионы лет назад?! Время, часы, сутки, недели, годы! Они специально придумали все эти злосчастные термины, чтобы морочить людям головы! Никакого времени не существует!

Старик так расчувствовался, что белый пень под ним, можно сказать, пустился в пляс. Наконец, не выдержав натиска Чаромута, он выскочил, покатился по чёрному полу и сразу перепачкался нефтью. Сам старик ойкнул и шлёпнулся на зад. Тут его охватил припадок смеха.

9

Жены у Чаромута не было, не потому что он ошибочно считался «чертями» за старого сумасшедшего альбиноса, а по той причине, что подземные жители давно перестали создавать семьи и размножались совершенно неестественным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.